

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

* * *

В подземном слепом переходе
под неоспоримой зимой,
вольно предоставить погоде
собой наслаждаться самой,
вольно и себе предоставить,
с чего неизвестно, вздохнуть,
продрогшие плечи расправить,
перчаткою снег отряхнуть,
и выщелкнув сигарету,
ее предвкушая уже,
минуту неглавную эту
зачем-то приблизить к душе.

* * *

Давно не пил с друзьями,
а пил черт знает с кем,
быть может, даже с вами,
не ведая, зачем.

И если так случилось,
не ставьте мне в вину
угрюмую усталость,
державшую в плену.

Ведь если нам молчалось
не трудно и не зло,
то что-то состоялось,
сбылось, произошло.

* * *

Сколь вязки эти разговоры, столь
они мистически необходимы –
так, верно, заговаривают боль
паломники, жрецы и пилигримы.

Когда ущербен месяц и дыра
сквозит в календаре и темной выси,
вползает в душу жуткая пора
с холодными глазами мертвой рыси.
В глухую несознанку Аполлон
уходит уголовником отпетым,

и наступает время слать поклон
друзьям, сопроводив его приветом.

И те из них, кто избежал шизы
радения о всенародном благе,
выкраивают для меня часы,
что, несомненно, требует отваги.

Об эту пору я невыносим –
упрям, бездарен, вспылчив и зануден,
слоняюсь тупо по домам чужим
и доставляю беспокойство людям.

И главное дождаться, дотерпеть
до появления музыки хрустальной,
чтобы к ее приходу возыметь
нечаянную власть над мукой тайной.

* * *

Сыну

Шаг в сторону – зияет тишина
за жестко напряженною спиною:
по-видимому, больше не страшна
повадка поглощенного собою
для местности, где каждый гражданин
когда-то был проверен и просвечен.
Гуляй себе – не нужен, не любим,
не охраняем, не судим, не вечен.

ПОЛУНОЧНЫЙ ДЖАЗ

Не время покуда, еще не пора,
еще трубачи выдыхают согласно,
еще не закончилось позавчера
и все в нем прекрасно,
прекрасно,
прекрасно.

Под взглядом луны цепенеет вода,
джазмены исходят сладчайшим минором.
Слепых облаков кочевые стада
явить не торопятся скрытый свой нором.
Прозрений, свершений, лишений – всего
того, что случится, тревожить не надо,
не надо помимо синкоп ничего!
Не вывались, саксофонист, из квадрата!
А ты оставайся виденьем ночным,
кокетничай с лабухом напропалую,
пока он губительным соло сквозным,
как дерзкою шпагой, изящно фехтует.
Забудь мое имя и вспомни его,
очнувшись в предутренней зябкой прохладе,
весь груз полуночных невнятных тревог
снимая легко, как вечернее платье.